

НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТЕЙ Н.И. ФОТЬЕВА

Тематический диапазон повестей Н. Фотьева довольно широк: от развития самосознания юноши до темы памяти, неразрывной связи поколений. Однако какую бы тему не затрагивал художник, он всегда обращается к первооснове человеческого существования: к связи человека с природой. Эта связь интересует автора в нравственно-философском аспекте: у Н. Фотьева только тот достоин называться человеком, кто мыслит себя частичкой природы, ощущает тесное, неразрывное единство с окружающим миром. Причём само понимание природы у писателя усложняется – это мировоззренческий, философский контекст, включающий человека с его духовностью в систему мироздания.

Именно поэтому основная причина нравственной деградации видится Н. Фотьеву в утрате связей современного человека с природой, в его отрыве от корней. Отражением этой тенденции является «человек-хищник», смысл жизни которого заключается в удовлетворении своих собственных потребностей, чаще всего, материальных. Такому герою писатель противопоставляет «естественного человека», мыслящего себя неотъемлемой частью всего живого на земле. Конфликт естественного, природного и искусственного, связанного с цивилизацией прослеживается в творчестве Н. Фотьева на разных уровнях художественного целого, но более всего их столкновение становится очевидным на уровне хронотопа. Так, например, писатель не указывает, где родился герой, принадлежащий типу «человек-хищник», где живут его предки и родственники (в отличие от «естественного человека», каждый поступок которого, независимо от того, где он находится, тесным образом сопряжён с

раздумьями о людях, давших ему жизнь, и о тех, кто будет её продолжателем).

Чаще всего, «человек-хищник» в повестях Н. Фотьева – городской житель. Но если «естественному человеку» в городе неуютно, он пребывает в постоянном состоянии тревоги, то «человеку-хищнику», наоборот, очень комфортно в городском пространстве, и именно его он ощущает как «своё». Дело в том, что городское пространство, будучи разомкнутым, является воплощением хаоса, суеты, что даёт «человеку-хищнику» неограниченные возможности для реализации своих не всегда честных планов и намерений. Не случайно самыми распространёнными хронотопами города являются *ресторан* и *рынок*.

В повести «За отчим порогом» (1992) довольно символична встреча «естественного человека» – Генки Осокина, с жуликами-картёжниками на рынке Бийска, которые, обманывая наивных и доверчивых людей, зарабатывают себе на жизнь. Этот эпизод моделирует в миниатюре отношения между людьми в городском пространстве. Генка не может понять и принять этого: «Душа Геннадия протестовала: откуда и почему всякое такое жульё берётся? Ведь всех рожали матери человеческие. Все одним воздухом дышат, одну земную пищу едят, одни законы для всех, почему?»¹

Хронотоп ресторана возникает уже в первой повести Н. Фотьева «Шиповник» (1971). Так же как и в последующих произведениях, он несёт в себе отрицательную характеристику современного городского человека². Завсегдатаем ресторана является Роман Рунов. Он – мастер своего дела, «специалист первого класса»³, целеустремлённый, настойчивый и трудолюбивый человек. Его друг – Пашка

Тримасов, безусловно, чувствующий тонкую, едва уловимую связь между всем живым на земле, вспоминает, что ещё в школе Роман «в радиотехнике разбирался как профессор»: «Если бы все так своё дело знали, как Роман Рунов, жизнь, может, распрекрасная была бы» (149). Но работа, первоначально приносившая Роману духовное удовлетворение, постепенно становится для него средством достижения материального благополучия, комфорта. При этом он не опускается до гонки за рублём, его задача – не жалкое накопительство, а престиж в обществе. Всю неделю он работает только для того, чтобы в субботу отдохнуть в ресторане, и, возможно, даже потратить на это все свои сбережения. «Ведь не каждый день сидим, а по субботам. И ресторан, между прочим, для того и существует. Есть деньги – иди, нет – сиди дома» (149), – «с сознанием полной правоты» рассуждает герой. Он без сожаления «сорит» деньгами, создавая таким образом иллюзию внешнего благополучия, лоска. Жизнь превращается для Романа в игру. Пашка замечает, что «Роман отличается странным каким-то вкусом насчёт девушек. Выберет – смотреть жалко. Зато, говорит, легко расстаюсь. Вы долго ищите и переживаете потом, а я спокоен» (151). Причина такой жизненной позиции кроется, скорее всего, в равнодушии: именно пустота души, безразличие к окружающим людям определяют «амбивалентность» характера героя, позволяющую ему с лёгкостью имитировать и страстную любовь, и глубокое спокойствие. Жизнь Романа Рунова, внешне яркая, деятельная, насыщенная событиями, на самом деле является скучной и однообразной, превращается в замкнутый круг. Её смысл сводится к одному – к посещению ресторана. Там все, от официанток до вахтёров, знают и уважают Романа, благодаря чему он чувствует себя в этом заведении «своим»: «Шейк откалывает, пушинкой порхает вокруг своей голенастенькой и носатой подружки» (152). Пашке же ресторан и его посетители внушают глубокое отвращение: «В ресторане

как всегда было полно народу. Играл оркестр. Этот оркестр – просто наказание. Электрические гитары, пианино или, как его там малюсенькое, но тоже электро, труба визжит, саксофон воеет. Адская музыка! А как разговаривать? Кричать. Как в лесу? Все тянутся к уху друг друга, тужатся, голоса хриплые. Шум такой, что голова пухнет. Отдых называется. Пашка всегда ждёт не дожждётся, когда оркестр замолчит, чтоб ему сдохнуть» (150). В конце концов, он признаётся Роману: «Не могу я в этой клоаке! <...> Лучше уж под забором...» (150).

Похожее впечатление производит ресторан и на Петра Лучина – главного героя повести «Жених запаса» (1992): «Да и кто в ресторан-то ломится? Рабочие, творцы, деятели? Чёрта с два. Всё больше – калымщики, ханыжки, бездельники, подозрительные какие-то людишки. Духота, бедлам, пьяные речи, дежурные хохмочки, размалёванные лица, табачный дым и эта гроб-музыка, стократно усиленная электричеством. Орёт – как колом по голове. Вскакивай, хватай чего-нибудь, прыгай, трясись и дёргайся, как припадочный. Иначе несовременно будешь выглядеть. Оно, конечно, и гимнастика, чтоб не засиживаться. Но всё-таки, всё-таки... Не то, ребята...»⁴

Заметим, что для «естественного человека» музыка является тем началом, которое должно нести в себе гармонию и объединять людей. А для Ирины Мерзликиной – героини повести «Родительский день» (1982) песня вообще сродни человеческой душе: «Душа да песни для Ирины – почти одно понятие. Ведь сколько людей через песни сдружились! Иные в ссоре были и то друзьями становились, потому что песни у них ладно получаются, голоса сходятся. Души, значит, близкие»⁵. В пространстве, где живёт «человек-хищник», музыка, наоборот, разобщает людей, разрывает всякие связи между ними.

В городе, как в пространстве максимально отдалённом от живого природного мира, система ценностей «естественного человека», которая, согласно

Н. Фотьеву, и определяет основу нравственного «кодекса» народной жизни, существенно трансформируется, теряет свою сущность. Особое значение для «человека-хищника» приобретают явления, связанные с удовлетворением его материальных, а не духовных потребностей. Персонажи, принадлежащие этому типу, по словам Ирины Мерзликиной, «... говорят о всяких нарядах, да модах, да машинах, да театрах, да книгах, да коврах, да мехах, да квартирах со всеми удобствами» (67). Писатель очень точно передал характер взаимоотношений между человеком и вещью, присущий, преимущественно, литературе XX столетия. В современном мире материальная ценность вещей заслоняет человека, «он оценивается обществом по тому, насколько дорогими вещами он обладает»⁶. И если Роман Рунов не придаёт значения предметам материального быта, то ряд других героев Фотьева превращается в рабов вещей. Они живут и трудятся только ради их приобретения.

К числу таких персонажей относится Зинка, сестра Пашки Тримасова, и её муж: «Зинка официанткой работает, звонкую копейку зашибает. Зятюха шоферит и тоже с места не сдвинется, если впереди монета не маячит. Интерес, мол, должен быть, интерес... Только и бубнит про это. Квартира так себе. Зато мебель самая дорогая, не притронься, не дыши на неё» (126). А в холодильнике у них «всегда неприкосновенный запас на случай, если нужного человека угостить придётся» (126). Пашка с позиции «естественного человека», для которого гораздо важнее духовное содержание человека, нежели его возможности обладать теми или иными вещами, вообще отказывает видеть в них людей: «Да разве ж это люди? Ты мне, а я тебе» (126).

Автор не только рисует картину мешанского быта, но и в очередной раз подчёркивает мысль о губительном влиянии цивилизации на человека. Зинка не чувствует того, что они с Пашкой – дети одной матери,

родственные души. Пашка, вынужденный из-за отсутствия собственного жилья какое-то время побыть у сестры, чувствует себя «чужим» в её семье: ему даже «заказано» заглядывать в холодильник. Отношения между близкими людьми противоположны тем, которые рисует Н. Фотьев на страницах «Горной малины», «Глухого тумана», «За отчим порогом»: Венька Прохоров («Горная малина», 1981) и Генка Осокин, находясь вдали от дома, ни на минуту не прекращают думать о родителях, о младших братьях и сёстрах; с особым трепетом относится к матери и Пётр Агеич Малахов («Глухой туман», 1982).

К числу персонажей, подобных Зинке и её мужу, относятся многочисленные образы людей творческих профессий из повести «Жених запаса»: Ашот Годиани, Веня Жмуркин, Миша Розин и др. Работа для них – это, в первую очередь, возможность зарабатывать деньги, которые можно потратить на приобретение самых различных вещей: Ашот Годиани, например, «клепает» на «Волгу», Миша Розин вкладывает деньги в строительство кооперативной квартиры на юге Украины, Веня Жмуркин преследует более мелкие цели – «в перстнях ходит и самые модные одёжки носит» (281). Все они живут по принципу, очень точно сформулированному Мишей Розиным: «Если можно взять кусок с маслом, то почему бы его не взять» (289).

Н. Фотьев создаёт в произведении яркие картины нравственного распада личности, целиком зависящей от власти денег. Веня Жмуркин, будучи совершенно бесталанным, использует самые безнравственные способы зарабатывания денег. У него существует свой метод заключения выгодных сделок: «Является он по выбранному адресу и с этакой важной физиономией начинает советовать, как и что лучше оформить – кабинет там, интерьер холла, или Доску почёта. Рассуждая, раскроет модный кейс и раскладывает перед нужным человеком множество фоторепродукций с тех или иных якобы его работ, которые

экспонировались на республиканских выставках и высоко, очень высоко оценены. Заказчик-то всё равно не знает, чьи это работы... Во время демонстрации образцов Веня вдруг "случайно" обнаруживает в кейсе парочку бутылок коньяку, коробочку прекрасных конфет и баночку паюсной икры. И вот, смотришь, после дегустации деликатесов уже по рукам бьют – сделка состоялась» (286).

Рассуждения о губительной власти денег автор вкладывает в уста Петра Лучина, взгляды которого довольно близки автору. Пётр знал, «какое это безграничное вместилище человеческого труда – деньги. Какое верное и жестокое средство обуздания, закабаления и унижения человека! Какой надёжный способ накопления чужой силы и власти в одних руках!

Капитал... Те, кто владеет капиталом, стремятся употребить его с наибольшей выгодой для себя, стремятся завладеть ещё большим капиталом. И тут все средства хороши. В том числе и самые подлые» (287).

Именно желание заполучить как можно больше денег заставляет человека идти наперекор природе. Писатель затрагивает в повести ту же проблему, которая была поднята В. Распутиным в «Прощании с Матёрой»: вмешательство неразумной человеческой воли в естественный ход вещей. Правда, в «Женихе запаса» она не столь глобальна – речь идёт только об «усмирении» реки и о затоплении территории, незаселенной людьми, но сам факт насилия над природой, вызванный жадной наживы, поражает Петра Лучина до глубины души: «Как всё тут было разворочено! Раскопано, разъезжено, расхристанно! <...> Река, которую предстояло усмирить, казалась уже ручной, одомашненной, обиженной. Велико было всё вокруг и страшно» (290).

Единственная ценность для «человека-хищника» – это деньги. Ценности «естественного человека» – земля, труд, память о предках, женщина-мать – превращаются в его сознании в антиценности.

Человек, живущий в городе, бесцеремонно вмешивается в жизнь природы и пытается навязать ей свои условия игры, что неизбежно влечёт за собой катастрофу. Разрушая тонкие, едва уловимые связи между всем живым в окружающем его мире, «человек-хищник» подвергает разрушению самого себя, как неотъемлемую часть природы. Земля для него – не кормилица и поилица, как для «естественного человека», а всего лишь одна из многочисленных сфер деятельности. И если «естественный человек» ухаживает за землей, лелеет её как живое существо, то «человек-хищник» на ней работает в строго отведённое для этого время. В городе, где живёт Ирина Мерзликина, для прополки используют химикаты, нарушая естественный природный баланс, что вызывает протест у «естественного человека»: «Роман с Аркадием Савёлычем (сын Ирины и его знакомый. – И. Н.) стоят за то, чтоб с сором природным способом бороться – паровать земли-то. <...> А так-то, говорят, что получается. Пчелы должны летать по полям, мёд собирать и плодотворную пыльцу разносить, чтоб урожай выше был, а мы пчёл заодно с сорняком убиваем. И не только пчёл – всякую другую насекомость. А насекомость-то – для птиц кормёжка. А птицы всяких вредных червяков и букашек склёвывают. Вот и потянулась, глядишь, верёвочка. Одно тронь – и другое рушится» (89). Н. Фотьев показывает возможные последствия такого отношения к природе, к земле. Ирина становится свидетелем того, как людям, находившимся в автобусе, который проезжал мимо полей во время одной из таких прополок, становилось плохо: «Пассажиры... блевали в автобусе от теперешней прополки» (89).

Человек, живущий в городе, поступает так, как ему проще, а не так, как того требует природа. И, вопреки наставлениям Аркадия Савёлыча, в городе продолжают жечь осеннюю листву и увозить уличную пыль на свалку, вместо того, чтобы укладывать всё это в специальное место: «Это же такое

удобрение, когда перегной из листвы-то получается!» (89).

Труд, не только на земле, но и любой другой, превращается для горожан в обременительную обязанность. Ирина сетует на то, что даже её внук Бориска «ничего физически делать не стремится. В магазин и то не всегда пошлѣшь. Учится, конечно. Так и то вроде – шаляй-валяй» (С. 93).

Утрата связей с природой неизбежно влечёт за собой забытьѣ предков. И хотя в городе тоже поминают, но это, скорее, дань моде, нежели искреннее желание, потребность души, как для «естественного человека»: «Оно и в телевизоре теперь часто показывают, как приходят люди к памятнику, кладут венки, снимают головные уборы и долго стоят в почетном молчании. А то и к самой земле склоняются» (50). Поминование превращается либо в картинное зрелище, либо в непристойность: «Иные, говорят, там рюмки-то специально “сшибают”. До драки напиваются» (114). Это вызывает естественный протест в душе героини.

Отсюда – от безразличия к предкам, к корням, от отсутствия чувства непрерывности человеческих поколений – изменение отношения к женщине. Она для городского человека не женщина-мать, не продолжательница человеческого рода, а всего лишь член общества, мало чем отличающийся от других. Еѣ предназначение в сознании горожан сводится не к тому, чтобы быть хранительницей домашнего очага, рожать и воспитывать детей, а к тому, чтобы быть помощницей мужчине в выполнении тяжѣлого физического труда. Так Н. Фотьев на страницах своих повестей отразил одну из центральных метаморфоз советского общества, когда женщина из матери превращалась в совершенно обезличенное существо, в работника, труженика.

Однако и сама женщина не чувствует своего природного назначения – рожать детей. Ирина Мерзликина, одна вырастившая четверых, удивляется тому, что в семье еѣ сына всего лишь один ребѣнок – Бориска. Крайне возмущѣн тем, что современные

женщины, живя в достатке, не торопятся иметь детей и Пашка Тримасов: «Раньше в сто раз хуже жили, а детей рожали, как по конвейеру, и не жаловались на здоровье. А теперь – ци-ви-ли-за-ция!» (166)

Следует отметить, что конфликт города и деревни не имеет в повестях Н. Фотьева абсолютного характера. Писатель показал, что и современную деревню не обошли стороной те процессы, которые являются яркой приметой сегодняшнего дня: духовная деградация, нравственное опустошение и т. д. Свидетельство тому – образ завклубом из повести «Глухой туман». Еѣ избышка (именно избышка, а не дом) производит удручающее впечатление на Петра Агеича Малахова: «... окна, стены, потолок, пол, плита, стол – всё было как бы забрызгано мятой черѣмухой. Это были мухи, мухи, мухи. Гул не умолкал, как в ущелье, когда пчѣлы всё время помахивают крыльшками, чтобы поддержать нужную вентиляцию и температуру. <...>

На столе навалом лежала немытая посуда, и в таком количестве, будто здесь столовалась, по крайней мере, бригада. На полу – пыль, мусор, ошмѣтки грязи»⁷. Н. Фотьев таким образом подчѣркивает мысль о том, что человек, оторванный от природы, независимо от того, где он живѣт – в городе или в деревне, обречѣн на нравственную гибель, духовную деградацию. Живя в окружении богатейшей природы, завклубом подаѣт на стол сковороду «с консервированными голубцами», банку «покупного варенья». Кроме того, на столе, который «кое-как прибран», «насыпью» лежат «пряники, ломти хлеба» (188). В этом эпизоде нет поэтизации трудовой народной жизни, и «ломти хлеба» не имеют ничего общего с ароматным хлебом и куличами, которые печѣт и заботливо укладывает Ирина Мерзликина.

Писатель утверждает, что цивилизация, вторгаясь в быт человека, живущего на земле, разрушает цельность его натуры. Однако духовный и нравственный кризис современного общества не вызывает у прозаика пессимистических настроений.

Дело в том, что фотьевский «естественный человек», кровно связанный с землёй и, как следствие этого, заключающий в себе огромный нравственный потенциал и духовную мощь, почти всегда является главным героем повестей художника, в противовес «человеку-хищнику», который играет в сюжете второстепенную роль. Возможно, что такая расстановка сил

выступает одним из средств выражения авторской позиции, которая заключается в вере в торжество разумного начала, в победу гуманного отношения к природе. Проза Н. Фотьева продолжает традиции писателей-деревенщиков, которые именно в народе, в простом человеке, тесными узами связанном с землёй, видели спасительное начало.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фотьев, Н.И. За отчим порогом // Фотьев, Н.И. Деревенская родня. Хабаровск, 1992. С. 115.

² М. Бахтин считает, что «временно-пространственные определения в искусстве и литературе <...> всегда эмоционально-ценностно окрашены» (См.: Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М., 1975. С. 398).

³ Фотьев, Н.И. Шиповник // Фотьев, Н.И. Мужчины в доме. Хабаровск, 1971. С. 149. (Далее повесть цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках).

⁴ Фотьев, Н.И. Жених запаса // Фотьев, Н.И. Деревенская родня... С. 196.

⁵ Фотьев, Н.И. Родительский день // Фотьев, Н.И. Коренные берега. Хабаровск, 1982. С. 86.

⁶ Коточигова, Е. Р. Вещь в художественном изображении // Введение в литературоведение. М., 2000. С. 39.

⁷ Фотьев, Н.И. Глухой туман // Фотьев, Н.И. Коренные берега... С. 184.